

ISSN: 2158-7051

INTERNATIONAL
JOURNAL OF
RUSSIAN STUDIES

ISSUE NO. 5 (2016/2)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР ПО РАЗЛОЖЕНИЮ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1920-Е ГГ.

СМЫКАЛИН А. С.*

Summary

The article is devoted to the problems of state-confessional relations in the USSR in the 1920s. It explains how the struggle was waged with the Church of legal methods (the official seal, the liquidation department of People's Commissariat of Justice) and illegal methods (secret) of the Cheka-OGPU-NKVD. It focuses on the forms and methods of work of the state security, based on declassified archival documents.

Attention is drawn to the problems of operational work on the decomposition of the Russian Orthodox Church, the relationship with its leadership. In conclusion, it is concluded that the fight against religion in the Soviet Union in the 1920s it became state policy.

Key Words: Church and State, the Cheka-OGPU-NKVD, operative work, the hierarchs of the Church, the state policy in the Soviet Union.

Политические реалии сегодняшнего дня, создание нового государства Россия (Российская Федерация) позволяют с высоты нашего времени дать критическую оценку далеким 1920-м годам, когда коммунистическое руководство страны, используя органы государственной безопасности, стремилось искоренить религию из сознания советских людей.

Формы и методы работы этих органов по разложению Русской Православной Церкви никогда ранее не являлись предметом открытых исследований ученых. Поэтому обращение к этой практически недоступной теме сегодня на основании рассекреченных материалов,

возможно, представит интерес в ученом мире историков, юристов, социологов. Потому что воссоздание максимально объективной истории взаимоотношений Церкви и государства – задача сегодняшнего дня.

Государственно-конфессиональные отношения в нашей стране имеют многовековую историю, а в течение советского периода (1917–1991 гг.) – трагическую историю.

После Октябрьской революции 1917 г. отношения Советской власти с Русской Православной Церковью и ее иерархами прошли этапы гонения и произвола.

23 января 1918 г. большевистское правительство выпустило декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви».

Не останавливаясь на декларациях, в газете «Известия» от 30 августа 1918 г. была опубликована развернутая инструкция о порядке проведения Декрета в жизнь. Она содержала шесть разделов: 1) о церковных и религиозных обществах; 2) об имуществах, предназначенных для совершения религиозных обрядов; 3) о прочих имуществах; 4) о метрических книгах; 5) о религиозных церемониях и обрядах; 6) о преподавании религиозных вероучений.

Сложилась парадоксальная ситуация. Не желая сдавать своих политических позиций и чувствуя поддержку многомиллионного населения России, Церковь продолжала издавать законодательные акты, особенно касающиеся принадлежащей ей собственности. По этой причине каноническое (церковное) законодательство шло вразрез с нормативными правовыми актами Советской власти.

По мнению иерархов Русской Православной Церкви, авторы Декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви подражали французским антиклерикальным законам, принятым в 1905 г. во Франции. Авторы декрета намеренно сузили понятие «церкви». Под церковью новый закон понимал лишь группу верующих или общину. Численность общины, которую государство готово было признать, должна была быть не менее двадцати человек. Единая Русская Православная Церковь после 1918 г. не признается государством как субъект правоотношений. Государство рассматривает ее лишь как совокупность отдельных общин, за которыми **сохраняются права юридического лица** (что, по мнению автора – неверно, Церковь сразу же **была лишена прав юридического лица**. – А.С.). Именно на эти общины легла основная тяжесть борьбы в чрезвычайно трудный для Церкви период 1918–1920 гг.^[1]

В Послании Патриарха Тихона от 19 января (1 февраля) 1918 г. отмечалось, что тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской Земле: гонения воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеют семена злобы, ненависти и братоубийственной брани.

Забыты и попораны заповеди Христовы о любви к ближним: ежедневно доходят до нас известия ужасных и зверских избиениях ни в чем не повинных и даже на одре болезни лежащих людей.

Необходимо отметить, что Церковь не просто комментирует происходящее событие, а конкретно призывает к активному сопротивлению, об этом говорит и анализ таких церковных документов, как «Воззвание Священного Собора к православному народу по поводу Декрета народных комиссаров о свободе совести» от 27 января (9 февраля) 1918 г. и «Постановление Священного Собора Православной Российской Церкви по поводу Декрета об отделении Церкви от государства» от 25 января (7 февраля) 1918 г. Собор прямо говорит, что «...ныне Советом Народных Комиссаров издан декрет об отделении Церкви от

государства, коим узаконяется открытое гонение как против Церкви Православной, так и против всех религиозных обществ христианских и нехристианских. Не гнушаясь обманом, враги Христовы лицемерно надевают на себя личину ревнителей полной религиозной свободы. Приветствуя всякое действительное расширение свободы совести, Собор в то же время указывает, что действием упомянутого декрета свобода Церкви Православной, а равно и свобода всех вообще религиозных союзов и общин превращаются в ничто. Под предлогом «Отделения Церкви от государства» Совет Народных Комиссаров пытается сделать невозможным самое существование храмов, церковных учреждений и духовенства». А в своем воззвании от 27 января (9 февраля) 1918 г., давая духовную оценку происходящим событиям, члены Собора призывают православный народ: «Объединяйтесь же, православные, около своих храмов и пастырей, объединяйтесь все, и мужчины и женщины, и старые и малые, составляйте союзы для защиты заветных святынь...».

Открытое противостояние Церкви и государства привело к тому, что на повестку дня большевиками был поставлен вопрос о нетерпимости к религии в марксистском понимании социалистического государства. И теоретические постулаты этой политики нашли воплощение в деятельности органов государственной безопасности сразу же в момент их появления.

Политика большевиков в соответствии с теоретическими постулатами В.И. Ленина имела ярко выраженную антирелигиозную направленность. Весь государственный аппарат и в том числе органы государственной безопасности, «вооруженный отряд партии» были нацелены вести решительную и бескомпромиссную борьбу с религией.

Долгие годы формы и методы этой борьбы скрывались. Объяснение было простое, оперативная деятельность органов государственной безопасности не может быть предметом открытых исследований ученых. Ситуация несколько изменилась в 1990-е гг. Рухнуло старое Советское государство и возникло принципиально новое – Российская Федерация (Россия).

Нет сомнения, что религия всегда являлась цементирующим основанием любого общества. Поэтому вопрос, какие идеи вкладывает власть в умы людей, был принципиально важным. Для того, чтобы повести за собой массы необходима была идеологическая установка, это хорошо понимало большевистское правительство во главе с В.И. Лениным.

Таким образом, религия всегда являлась мощным идеологическим оружием любого государства. Особенно этот фактор учитывался в тоталитарных государствах. Как показывает история правительство такого государства всегда должно было либо религию поставить на службу государства, либо разложить религиозные объединения, представляющие оппозицию. Вмешательство государства в дела Церкви, произвол в отношении священства не был изобретением только большевиков. Советская власть лишь использовала в своих целях традиционную российскую модель государственно-церковных отношений.

Наступление на Церковь в молодой Советской республике вели органы государственной безопасности (секретное); Наркомат юстиции РСФСР (печатное); партийная печать (официальное). Такое распределение ролей началось уже в 1920-е гг.

В конце 1922 г. малый Совнарком, ссылаясь на параллелизм в работе НКВД (ГПУ) и V отдела Наркомюста (до 1922 г. – VIII отдел) предлагал ликвидировать последний... В начале 1920-х гг. происходит сужение данного отдела Наркомюста и уменьшение его значимости, что обусловлено изменившейся политической ситуацией в области государственно-церковных отношений. Проведение провокационных мероприятий и репрессий против Церкви позволило органам ГПУ перераспределить роли.^[2] Необходимо было подчинить это мощное идеологическое оружие, каким являлась вера в Бога, задачам социалистической

революции и здесь все методы хороши, как показывает теория. Деятельность, так называемых «обновленцев» захвативших руководство в церковной организации уже контролировалась органами ГПУ, и считалось, что она не представляет опасности для молодой Советской республики.

Постараемся этот процесс противостояния проследить последовательно и выделить основные этапы на этом пути.

Идейным отцом – основателем был безусловно В.И. Ленин, который считал ее «одним из видов духовного гнета». И свидетельством этого отношения были высказывания вождя мирового пролетариата по поводу священнослужителей, которых он называл не иначе как «контрреволюционеры в рясе», «поповщина» и предлагал с ними разобраться раз и навсегда.

Таким удобным поводом был голод в России. По неполным данным в России голодало около 25 миллионов человек! Особенно высокие показатели были в Поволжье. Просматривая журнал «Еженедельник советской юстиции» за 1922–1923 гг., автор столкнулся с любопытной статистикой, количеством людей, которые сознательно совершали преступления, чтобы попасть в тюрьму (потому что там можно было выжить и не умереть от голода).

Русская Православная Церковь, стараясь помочь голодающим, создает Всероссийский комитет церковной помощи голодающим. Создается и Всероссийский комитет помощи голодающим, возглавляемый буржуазными либералами, который тут же разгоняется. Вместо него новая власть создает при ВЦИК Центральную комиссию помощи голодающим (Помгол) под руководством М.И. Калинина. Это дает возможность, уже в тот период, поставить Церковь под жесткий контроль ВЧК – ОГПУ. Несмотря на то, что власть разрешила религиозным организациям собирать средства в помощь голодающим под руководством «Помгола» ВЧК решило использовать данную ситуацию в свою пользу.

На одном из совещаний в декабре (1918 г., – А.С.) Председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский говорил: «Мое мнение: церковь разваливается, поэтому нам надо помочь, но никоим образом не возрождать ее в обновленной форме. Поэтому церковную политику развала должен вести ВЧК, а не кто либо другой. Официальные или полуофициальные сношения с попами – недопустимы. Наша ставка на коммунизм, а не на религию. Лавировать может только ВЧК, для единственной цели – разложение попов. Связь какая-то не было с попами других органов бросит на партию тень, это опаснейшая вещь. Хватит нам одних спецов».^[3]

Как общеизвестно, отдел по борьбе с контрреволюцией был создан в составе Всероссийской чрезвычайной комиссии 20 декабря 1917 г., а уже 22 ноября 1918 г. на базе Отдела был образован Секретный отдел ВЧК, на который возлагалась задача борьбы с «антисоветской деятельностью буржуазных и мелкобуржуазных партий и групп», а также «церковниками».^[4]

В июне 1919 г. Секретный отдел был реорганизован в Секретно-оперативный отдел ВЧК – СОО ВЧК. На этот отдел возлагалась задача борьбы с антисоветской деятельностью монархистов, кадетов, меньшевиков, эсеров и оппозиционно настроенного духовенства.

Так, начинался первый этап (1918–1922 гг.) борьбы с религией в Советской республике. Отдел (возглавляемый Т.П. Самсоновым) первоначально состоял из 9-ти отделений. 6-е отделение – борьбы против духовенства возглавил П.Л. Валейчик, в последующем бессменным руководителем 6-го антирелигиозного отделения стал Евгений Александрович Тучков.

Если точно исходить из хронологии событий, то первый протокол «Комиссии по

проведению отделения Церкви от Государства при ЦК РКП(б)» или «Антирелигиозной комиссии», где впервые появилась подпись Тучкова, датирован 27 сентября 1922 г., а первую «Следственную сводку» 6-го отделения СО ГПУ уже в качестве его начальника Е.А. Тучков подписал 9 мая 1922 г.^[5]

Первый этап можно обозначить как **период открытого террора против религии и Церкви вообще**. По «Статистике гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке», подготовленной Православным Свято-Тихоновским Богословским институтом, только на 1918 г. приходилось 3 000 расстрелов священнослужителей. Известны конкретные фамилии иерархов Русской Православной Церкви, которые были физически уничтожены в 1918 – 1919 гг.

Поэтому довольно странно звучит мнение историка указывающего, что Постановление СНК о красном терроре ВЧК, изданное в сентябре 1918 г. не предполагало, что в заложниках могли быть священнослужители. Автор называет этот бесспорный факт «...залихватским враньем».^[6] Естественно, что в условиях плюрализма мнений существуют разные оценки исторических событий нашей страны.

Началом нового этапа можно считать 1922 г. 4 мая 1922 г. на заседании ЦК РКП(б), на котором присутствовал В.И. Ленин, было принято постановление о директивах Московскому Трибуналу: «1) Немедленно привлечь (патриарха) Тихона к суду и 2) применить к попам высшую меру наказания».

Как показывает анализ архивных документов целью органов государственной безопасности являлось разложение Церкви, используя агентуру и различные течения в религиозных организациях. В письме Ф.Э. Держинскому от заведующего секретным отделом ВЧК Т.П. Самсонова от 4 мая 1920 г. (п. 4) прямо говорилось: «До сих пор ВЧК занималось только разложением православной церкви, как наиболее могущественной и большой, чего недостаточно, так как на территории Республики имеется еще ряд не менее сильных религий, каков Ислам и пр., где нам тоже придется шаг за шагом внести то же разложение, что и в православной церкви».^[7]

Секретный отдел ОГПУ внедрял агентуру в среду служителей православной церкви с целью создания внутри нее враждующих группировок. Преследовались религиозные организации, призывающие не подчиняться «антихристовой власти» («имяславцы», «федоровцы»).

Использовались и легальные формы борьбы против религии. В частности официальные процессы. В интересах атеистической пропаганды практиковались судебные процессы над участниками антисоветских религиозных организаций с освещением их в печати. Под пристальным наблюдением органов государственной безопасности находился до конца своей жизни и патриарх Тихон (Белавин).

Второй этап (1922–1930 гг.) характеризуется еще более оголтелой пропагандой во взаимоотношениях Церкви и органов государственной безопасности и ужесточением репрессивных мероприятий против священнослужителей.

Вспомним, что в 1929 г. был отменен НЭП и началась принудительная массовая коллективизация, которая сопровождалась высылкой миллионов крестьян в Сибирь, заключениями в тюрьмы и лагеря. Репрессии коснулись и Церкви.

С первых дней существования новой власти большевики не скрывали своего негативного отношения к религии и громадный пропагандистский аппарат был направлен на разрушение веры людей в Бога. Например, в ответ на организованное Церковью пассивное сопротивление, ЦК РКП(б) на своем заседании еще 19 мая 1918 г. отмечал:

«Выясняется, что в последнее время усилилась агитация духовенства против Советской власти. Решено повести против духовенства усиленную письменную агитацию. Поручить ее ведение т.т. Сосновскому, Ем. Ярославскому и Демьяну Бедному, ассигновав необходимую сумму из кассы ЦК».¹⁸¹

Характерной чертой антирелигиозной пропаганды раннего этапа борьбы с Церковью было то, что она была рассчитана на малограмотное население и была агрессивно примитивной. Это в полной мере относится к агиткам Демьяна Бедного и иллюстрированным сатирическим журналам.

Можно выделить две особенности антирелигиозной пропаганды того периода времени: 1) это связь с текущими политическими проблемами. Духовенство обвинялось в сотрудничестве с врагами пролетарской революции; 2) появилась новая атеистическая лексика. Вместо слов «религия» говорилось «предубеждения», «религиозные предрассудки», «религиозный фанатизм» и т.п. Таким образом, строился барьер «наши» и «чужие». Шел искусственно раздуваемый процесс разрушения национального сознания «русский православный человек».

В период гражданской войны разработкой антирелигиозной пропаганды занимался (легально) Народный комиссариат юстиции, а именно VIII, так называемый «ликвидационный отдел». Он имел следующие направления деятельности: а) разработка методов и самого содержания антирелигиозной агитации и пропаганды; б) публичные выступления на предприятиях, в воинских частях, партийных собраниях и т.д.; в) широкая издательская деятельность по указанным проблемам.

Остановимся на последнем пункте. В 1919–1924 гг. отделом издавался специальный журнал «Церковь и революция». Главной его целью было разъяснение широким народным массам задач Советской власти в отношении мероприятий по отделению Церкви от государства и школы от Церкви. В стране проводятся антицерковные семинары, лектории, создаются антирелигиозные кружки, возникают периодические издания. Например, газета «Атеист», появилась в начале 1922 г., тиражом 15 тыс. экз. В это же время стала выходить газета «Безбожник» Московского губкома РКП(б). Вообще издание антирелигиозной литературы осуществлялось значительным тиражом. Например: «Советская власть и церковь» – 100 тыс. экз., «Почему падает вера и нарастает безверие» – 100 тыс. экз. и т.п. Кроме этого большое внимание отводилось настенной печати, плакатам и лозунгам. С 1920 г. тем же VIII отделом НКЮ стала издавать настенная газета «Революция и Церковь» (тираж до 30 тыс. экз.).

Однако в исторической литературе отмечается, что судя по статистике распространения, антирелигиозные издания VIII отдела популярность не пользовались. Достаточно сказать, что когда за реализацию этой продукции в 1921 г. взялся V (бывший VIII) отдел, то смог реализовать не более 12–13% тиражей.¹⁹¹

В 1923 г. на местах упраздняются губернские отделы юстиции и действовавшие при них подотделы и комиссии по проведению в жизнь Декрет об отделении Церкви от государства, их функции стали выполнять местные органы НКВД, в августе 1924 г. V отдел Наркомюста ликвидируют, а его функции передают Секретариату ВЦИК. Теперь ставится другая задача: от организационного разложения Русской Православной Церкви перейти к идеологическому разоружению религии вообще.

В 1922–1923 гг., как уже отмечалось выше, начинается массовая антирелигиозная пропаганда. Она рассматривается как важное направление государственной политики,

проводимой непосредственно коммунистической партией. Естественно, что особая роль здесь отводилась и вооруженному отряду партии – органам государственной безопасности. Представляется, что не без помощи этих органов прошел раскол внутри самой Русской православной Церкви.

Как шел организованный развал Русской Православной Церкви (Московская Патриархия) хорошо видно из секретных сводок ОГПУ весной – летом 1922 г.

29 мая 1922 г. в Москве создается группа «Живая Церковь», 4 июля ее возглавил протоиерей В. Красницкий. В августе этого же года председатель ВЦУ епископ Антонин отдельно организует «Союз церковного возрождения» (СЦВ), который видел свою опору не в клире, а в мирянах способных «зарядить церковную жизнь революционно-религиозной энергией».^[10]

Процесс развала Церкви начался, так называемые «обновленцы» получили негласную поддержку ГПУ. Идеологические разногласия, имевшие место в коммунистическом обществе, перешли в открытую борьбу. И главным на фронте этой борьбы, с большевистской стороны баррикад были органы государственной безопасности.

Как свидетельствуют сводки ГПУ, шел процесс активного внедрения агентуры в среду духовенства. Чтобы не быть голословными обратимся к конкретным документам. В материалах сводки отмечалось, что съезд открылся 6 августа. Первое заседание носило декларативный характер, избран был Президиум во главе с Красницким, принято единогласно письмо-декларация во ВЦИК, выражающее благодарность за разрешение открытия съезда. 8 числа состоялось второе собрание съезда, были поставлены на повестку дня следующие вопросы: 1) Доклад о монашестве (докладчик Кедров), 2) Об учетном монашестве (докладчик Адамов) и 3) борьба с контрреволюцией (докладчик Колоколов).

О том, что органы ГПУ хорошо «потрудились» внедряя свою агентуру в среду духовенства видно уже из резолюций принятых по этим вопросам. По первому вопросу после непродолжительных прений единогласно была принята резолюция о закрытии городских монастырей и превращении провинциальных монастырей в трудовые комунны.

По второму вопросу была принята резолюция о предоставлении права монахам свободного сложения с себя монашеского сана и перехода в белое духовенство (добавим от себя, потому что черное монашество, с точки зрения большевиков, зарекомендовало себя в ходе гражданской войны, как наиболее контрреволюционная часть духовенства. – А.С.), при чем прием в белое духовенство мог теперь производиться только по усмотрению Епархиальных управлений.

Так постепенно были выполнены задачи, поставленные перед органами ГПУ: а) разложить Русскую Православную Церковь, создав различные направления в ней; б) осуществлять через агентурно-осведомительный аппарат полный контроль над деятельностью этих направлений; в) и таким образом, проводить в жизнь решения большевистской партии.

Подтверждением полного контроля органов ГПУ над расколовшейся Русской Православной Церковью можно считать и другие сводки ГПУ от 9, 11, 12 августа 1922 г. Например, «Сводка № 2 VI отделения СОГПУ о ходе работы, того же Всероссийского съезда духовенства группы «Живая Церковь», за время с 9-го по 11 августа (1922 г., – А.С.)». Для того, чтобы было понятно, что именно интересовало руководство страны приведем Сводку от 12 августа 1922 г. полностью:

«12 августа 1922 г.

Отпечатано и разослано в 6-ти экземплярах т.т. ДЗЕРЖИНСКОМУ, ТРОЦКОМУ,

СТАЛИНУ, УНШЛИХТУ, ЯГОДА и САМСОНОВУ.

В предыдущей сводке № 1 о ходе работ съезда с 3-го по 8-е Августа, было отмечено, что настроение съезда однородное, идут все за КРАСНИЦКИМ. За отчетный период наблюдается, что образовались три небольших течения. Первое состоящее из московских делегатов, которое считает поведение группы КРАСНИЦКОГО слишком левым и стремится к умеренности. Это течение более подходит к политике АНТОНИНА. Второе течение состоящее преимущественно из делегатов-миссионеров, стоит на точке зрения ненарушимости канонов и есть третье течение, левее группы КРАСНИЦКОГО, которое стоит за недопущение к управлению епископов и требует бесцеремонного к ним отношения. Ввиду того, что эти три течения выявились лишь в последнее время в связи с вопросами о монашестве и о форме церковного управления, то точно указать лиц возглавляющих эти течения – пока не представляется возможности, т.к. таковые еще хорошо не выявились. В дальнейшем несомненно эти течения выявятся более ярче и определеннее.

Характерно отметить, что в кулуарах съезда некоторыми видными участниками, в том числе и КРАСНИЦКИМ, в беседе «по душам», ведутся разговоры, что все резолюции – это шелуха напоказ для власти, а на деле мы вольны. Некоторые считают поведение КРАСНИЦКОГО двойственным и удивляются его непонятной игре...

Начальник VI-го отделения СОГПУ: Е. Тучков
12 августа 1922 г.»^[11]

О том, что деятельность Церкви направлялась ГПУ свидетельствует следующий факт, получивший отражение в литературе.

Однажды церковный писатель А.Э. Левитин, беседуя с одним из организаторов «Живой Церкви» А.И. Введенским, сказал:

- За всем ходом событий в мае 1922 г. чувствуется чья-то направляющая дирижерская палочка.

- Безусловно, – спокойно ответит тот. – Было место, в котором делалась религиозная погода.

- Где же оно было, это место?

- А я Вам не скажу. Сами догадайтесь.

Левитину не трудно было догадаться, и он позднее запишет. «Это место находилось в кабинете Евгения Александровича Тучкова – одного из руководящих работников ОГПУ, который ведал тогда церковными делами. Умный, хитрый и волевой человек, Е.А. Тучков, надо отдать ему справедливость, очень умело проводил правительственную политику в отношениях с церковью... Характерно, что впоследствии, уже будучи не у дел, он с большим уважением говорил о Патриархе Тихоне и с величайшим отвращением об обновленцах».^[12]

К сожалению, мы не располагаем документальными архивными источниками характеризующими борьбу органов ГПУ против Русской Православной Церкви, многие из них еще имеют гриф секретности.

Вместе с тем, было бы неверным утверждать, что репрессиям повергались верующие только за веру, как сегодня бытуем мнение во многих изданиях. Органы государственной безопасности вели борьбу с контрреволюционными организациями, в том числе и имеющими официальный фасад религиозной организации.

Поэтому хотелось бы привести документ из Центрального архива ФСБ РФ, который отмечает, что борьба ведется только с «лицами связанными с контрреволюционными организациями» и амнистия, которая проводилась в 1921 г., в связи с 4-летием Советской власти, коснулась и этой категории лиц. В частности, в постановлении отмечалось, что

«амнистии подлежат, в виде освобождения от наказания, независимо от сроков в отношении осужденного: а) сектанты, не связанные с контрреволюционными организациями; б)...»^[13]

Но вместе с тем, необходимо отметить, что интенсивная работа по развалу Русской Православной Церкви продолжалась. После смерти Патриарха Тихона (в апреле 1925 г. он был погребен в Донском монастыре) сразу же состоялось совещание православных архиереев приехавших на похороны. Встал вопрос о передаче его обязанностей. Согласно завещанию его обязанности передавались Местоблюстителю Кириллу (Смирнову), в случае же невозможности для него вступить в должность – митрополиту Агафангелу (Преображенскому), или митрополиту Петру (Полянскому). Казалось бы, почему три предполагаемых Местоблюстителя? Такая предусмотрительность была совершенно не напрасной, поскольку митрополиты Кирилл и Агафангел в это время находились в ссылке. Поэтому во исполнение воли почившего Патриарха Тихона^[14] был признан Местоблюстителем Патриаршего престола (до выборов нового патриарха) митрополит Петр Крутицкий (Полянский).

Краткая биографическая справка о нем сообщает: Полянский Петр (митрополит Петр) – Местоблюститель Патриаршего престола в миру Петр Полянский, известный в православных кругах чин, последователь Святейшего Патриарха Тихона. Полянский был возведен в сан архиепископа, а затем стал митрополитом Крутицким. Имя Крутицкого в качестве преемника Тихона называлось наряду с именами митрополитов Кирилла и Агафангела. Сам Святейший Патриарх Тихон умер в марте 1925 г. и отпевание его совершалось в Донском монастыре, где тело стояло четыре дня. Отпевание совершал митрополит Крутицкий и Коломенский Петр в сослужении шестидесяти двух архиереев. Духовенства в соборе было так много, что народ не мог уже туда поместиться...

С 1925 по 1936 г. митрополит Крутицкий исполнял обязанности Местоблюстителя Патриаршего престола.

П. Крутицкий был узником Верхнеуральского политизолятора в течение нескольких лет. П. Крутицкий был вывезен из ВПИ в Магнитогорск и 27 сентября 1937 г. в 4 дня священномученик митрополит Петр был расстрелян в Магнитогорской тюрьме, и тем самым увенчал свой исповеднический подвиг пролитием мученической крови за Христа. Православная церковь причислила его к лику святых. Канонизирован Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 1997 г.

Священномученик Петр родился в селе Сторожевом Коротоякского уезда Воронежской губернии, в семье священника. В 1885 г. окончил Воронежскую семинарию, а в 1892 г. Московскую Духовную академию. Затем он – помощник инспектора Московской Духовной академии, преподает в Звенигородском духовном училище. С 1896 г. будущий Святитель – смотритель Жировицкого духовного училища. В 1897 г. он получает ученую степень магистра богословия за работу «О пастырских посланиях». С 1906 г. сотрудничает с Учебным Комитетом при Синоде. В 1917–1918 гг. – активный участник Собора Российской Православной Церкви. В 1920 г. святитель Тихон предложил ему принять монашество, священство и вскоре – епископство для того, чтобы он смог стать его помощником в управлении Русской Православной Церковью. Дома Петр Федорович высказался в ответ на это предложение Святителя так: «Я не могу отказаться. Если я откажусь, то я буду предателем Церкви, но когда соглашусь – я знаю, я подпишу тем себе смертный приговор». 25 сентября 1920 г. он был хиротонисан патриархом Тихоном и рядом других иерархов во епископа Подольского, викария Московской епархии. С 1920 по 1923 г. он находится в ссылке в Великом Устюге. С 1923 г. он в сане архиепископа, а с 1924 г. святитель уже –

митрополит Крутицкий, член Священного Синода при Патриархе Тихоне. После смерти святителя Тихона, по его завещанию, митрополит Петр – третий кандидат на должность Местоблюстителя Патриаршего Престола. В 1925 г. святитель Петр приступил к исполнению обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. В этом качестве он активно противостоял обновленцам. 9 декабря 1925 г. священномученик Петр был арестован. Начались долгие годы тюрем и ссылок в Суздале, Тобольске, за полярным кругом – в поселке Хэ, снова в Тобольске, в Екатеринбурге, в Верхне-Уральске. Во время его заключения советские чиновники безуспешно пытались вынудить его сотрудничать с большевистской властью.

Митрополит Петр был непреклонен и ни на какие соглашения не шел. Вскоре он вновь был отправлен в ссылку. Как потом стало известно, в 1937 г. митрополит Петр был еще жив. Официальное сообщение о его кончине было сделано годом раньше его подлинной смерти.

2 октября 1937 г. тройка НКВД по Челябинской области приговорила митрополита Крутицкого Петра к расстрелу за «клевету на существующий строй», выражавшуюся в обвинении этого строя «в гонении на Церковь и ее служителей». Для бумажных формальностей к постановлению тройки приложена была справка, составленная начальником верхнеуральской тюрьмы Артемьевым и оперуполномоченным Яковлевым, в которой утверждалось, что заключенный № 144 проявляет себя непримиримым врагом Советского государства, клеветает на существующий государственный строй, обвинял в гонении на Церковь «ее деятелей». Клеветнически обвинял органы НКВД в пристрастном к нему отношении, «пытался связаться с внешним миром из заключения, используя для этого медицинский персонал тюрьмы, в результате чего получил от духовенства г. Верхнеуральска просфору как знак приветия. 10 октября 1937 г. в 4 часа дня митрополит Крутицкий Петр был расстрелян. Расстрелян и погребен он был в Магнитогорске. Память Священномученика празднуется 27 сентября/10 октября (представление) и в воскресенье после 25 января/7 февраля (Собор новомучеников и исповедников Российских).^[15]

В трагические 1920-е гг. гонение на Церковь являлось делом государственной политики. Например, в своем выступлении нарком просвещения А.В. Луначарский, в 1923 г. заявил: «Православному духовенству дается полная возможность свободно исповедовать веру и исполнять богослужения... и т.п. Несмотря на то, что мы признаем глубочайший вред всего этого, мы тем не менее разрешаем ядовитую пропаганду и ненужные богослужения только потому, что не хотим нарушать свободы верующих и вмешивать население в вопрос, который решится лишь просвещением».^[16] Но если это выступление большевистского лидера еще можно назвать сравнительно умеренным, то газета «Известия» рупор ВЦИК писала в первых числах января 1923 г.: «Нам просто некогда было до сих пор обращать внимание на эту религиозную муть. Слишком много было заботы о более важном и неотложном. Но теперь времена меняются, и скоро хорошая метла начнет энергично выметать из нашей советской страны эту поганую нечисть».^[17]

Теперь ставится другая задача: от организационного разложения Русской Православной Церкви перейти к идеологическому разрушению религии вообще. В 1922–1923 гг., как уже отмечалось ранее, начинается массовая антирелигиозная пропаганда, которая является важной частью государственной политики борьбы с Церковью, направляющей силой этой политики стала Коммунистическая партия.

В РСФСР после упразднения V отдела Наркомюста государственную политику в церковном вопросе определяли ВЦИК (его Президиум и Секретариат) и Совнарком (СНК) в лице Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) и Наркомата

внутренних дел (НКВД).

ВЦИК разрабатывал и принимал законодательные акты, инструкции и циркуляры, выносил окончательные решения. НКВД осуществлял надзор за регистрацией и функционированием религиозных организаций (в том числе их уставов), вел их учет, давал разрешения на проведение массовых мероприятий. ОГПУ своими специфическими методами (внедрением агентуры в среду священнослужителей) контролировало политическую сторону деятельности органов церковного управления.

Таким образом, борьба против Церкви постепенно превращалась в борьбу против религии в СССР вообще. Это стало одним из направлений так называемой «культурной революции».

Началом этой борьбы можно считать голод в стране в 1922 г. Под предлогом помощи голодающим было конфисковано у Церкви имущество на сумму 2,5 млрд. золотых рублей, однако на помощь голодающим из них было потрачено около 1 млн. рублей.^[18] Возникает естественный вопрос: а куда делись остальные деньги? Ответа на него нет до сих пор.

В феврале 1922 г. Церковь стала жертвовать в помощь голодающим ценные предметы не имеющие богослужебного значения. Однако такая инициатива совсем не была в интересах большевистской власти и разграбление храмов под предлогом помощи голодающим продолжилось. Естественно, что верующие сопротивлялись изъятию церковного имущества. ГПУ зарегистрировало 1414 выступлений в защиту имущества Русской Православной Церкви. Наиболее известным было выступление в г. Шуи Владимирской области, когда верующие оказали вооруженное сопротивление грабителям.

В связи с этим перед органами государственной безопасности была поставлена задача «...не на словах, а на деле провести беспощадный, стройно организованный массовый террор, принеся смерть тысячам праздных белоручек, непримиримых врагов социалистической России...».^[19]

Священнослужители, с точки зрения коммунистов, и являлись «праздными белоручками». И с этого момента Церковь была поставлена вне закона и являлась контрреволюционной силой. И если раньше, например, в Конституции РСФСР 1918 г. говорилось лишь об ограничении политических прав служителей Церкви, то теперь речь шла об открытых политических репрессиях. Вышеуказанное вступление в г. Шуе Ленин использовал, прежде всего, как предлог обвинить патриарха Тихона в контрреволюции и арестовать его. В результате террора ГПУ убиты 2690 священников, 5410 монахов и монахинь, закрыты 637 монастырей. Была сделана попытка расколоть Церковь изнутри. Сторонники «живой церкви», или «обновленцы», готовые к сотрудничеству с ГПУ, захватили в мае 1922 г. резиденцию патриарха и получили в пользование около половины храмов. Но большинство верующих в эти храмы не пошло. Патриарх Тихон предал обновленцев анафеме, раскол постепенно заглох. Но после более чем годичного заключения в 1922–1923 гг. патриарх согласился заявить, что он «советской власти не враг». А в апреле 1925 г. он скончался.

К этому времени в тюрьмах и ссылке находилось 66 архиереев – почти половина русского епископата. Первый местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр (Полянский) не согласился на диктуемые властью условия «легализации» Церкви и был в декабре 1925 г. арестован (в 1937 г. – расстрелян). Не согласился и второй местоблюститель, митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский), вскоре скончавшийся. Заместившего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) в 1926–1927 гг. трижды арестовывали, и под угрозой массовых расстрелов духовенства он на эти условия

пошел. Митрополит Сергей получил от властей «регистрацию» центральных управительных органов Церкви и 29 июля 1927 г. издал декларацию, где сказано: «Выразим всенародно нашу благодарность и Советскому правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения. ... Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи».

Заключенные на Соловках 23 епископа в послании митрополиту Сергию отметили, что слова благодарности советской власти компрометируют Церковь своей очевидной фальшью и что единства целей у Церкви и правительства быть не может, пока последнее стремится к искоренению религии. К 1928 г. от существовавших в 1914 г. в России 48 тыс. православных приходов осталось 25 тыс. и около 3 тыс. – обновленческих. Многие приходы и 37 архиереев отказались принять декларацию лояльности. Митрополит Ленинградский Иосиф (Петровых) возглавил в 1929–1934 гг. движение «непоминающих», то есть тех, кто на литургии поминал митрополита Петра, а не Сергия. Зарубежная Церковь под руководством митрополита Антония (Храповицкого) также не признала Сергия и его декларацию.

Попытка компромисса с властью не спасла официальную часть Церкви от дальнейших гонений. Постановление ВЦИК и СНК СССР от 8 апреля 1929 г. и позднейшая инструкция НКВД отрицали какие-либо права Церкви как юридического лица, требовали регистрации местных «двадцаток» верующих, которым государство могло предоставить в пользование храм, запрещая при этом любую деятельность вне его стен. В том же году прошла антиколокольная кампания: колокола снимали и сдавали на лом. Развернулась вербовка граждан в «Союз воинствующих безбожников», просуществовавший с 1925 по 1943 г. В начале 1930 г. митрополита Сергия заставили заявить, что никаких гонений на Церковь в СССР нет; Зарубежная Церковь выступила с опровержением его тезисов. Стали возникать различные секты – «имяславцы» и другие, – видевшие в коммунистах власть Антихриста. В 1926–1927 гг. их подвергли яростному преследованию.^[20]

Характерно то, что репрессии не были избирательными, как показывает анализ пенитенциарной статистики, в те далекие годы сама должность священнослужитель уже предполагала его «контрреволюционную сущность». Примером может служить кампания, проводившаяся на Южном Урале в Челябинской области.

С начала политических репрессий в СССР Златоустовская тюрьма – следственный изолятор стал пополняться священнослужителями. Их единственная вина была в том, что Церковь (в Тихоновский период) не лояльно относилась к Советской власти, а они были ее представителями.

Начиная с 1927 г. по август – сентябрь 1937 г. сотрудниками Златоустовского отделения ОГПУ – НКВД были арестованы все известные на тот момент священники, служившие и проживавшие в Златоусте и округе.

Все арестованные были заключены в Златоустовскую тюрьму, где, после оформления уголовных дел они ожидали этапа в Челябинскую внутреннюю тюрьму. Дела оформлялись быстро, что видно из документов. Специально созданная тройка при УНКВД по Челябинской области рассмотрев дело по обвинению «участников контрреволюционной повстанческой террористической организации церковников», которая систематически проводила контрреволюционную агитацию, призывала к свержению советской власти, пришла к выводу, что все обвиняемые виновны по статьям 58-2, 58-11 УК РСФСР. Смертный приговор при «доследовании» был вынесен всем участникам миасско-златоустовского дела. Все дела духовенства Челябинской области были объединены в одно огромное дело под № 15109 по

обвинению епископа Антония (Миловидова) и духовенства в организации «повстанческо-террористической организации духовенства». По данным следствия организация насчитывала до 1000 участников. 27 сентября 1937 г. следствие изготовило «показания» епископа Антония, как доказательство вины проходящих по делу № 15109 127 человек. 4 октября 1937 г. этапированные почти в полном составе были расстреляны в Челябинской внутренней тюрьме НКВД.^[21]

В приведенном примере говорится лишь об одном небольшом городке Южного Урала. Фактически подобная ситуация была характерна для всей страны Советов. Теперь все трудности переживаемые страной в 1920–1930 гг. связывали со служителями культа.

Пик антирелигиозной активности масс пришелся на 1929–1931 гг. В трудностях выполнения хлебаготовок, с которыми страна столкнулась в период сплошной коллективизации, были обвинены кулаки и служители культа. Как отмечает исследователь М.И. Одинцов, в высших эшелонах партии сложилось два подхода к государственно-церковным отношениям. Первый заключался в оголтелой антирелигиозной пропаганде и практических мероприятиях, проводимых Е.М. Ярославским – председателем антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б). Главная задача последней – сужение круга деятельности религиозных организаций всех течений, сведение ее исключительно к отправлению обрядности, максимальное сокращение количества духовных учебных заведений, монастырей, сокращение тиража религиозных изданий, а также количества религиозных съездов и т.д. Второй подход – поиски компромисса во взаимоотношениях государства с Церковью. С точки зрения П.Г. Смидовича, «приписать правому оппортунизму терпимость к религии и религиозным пережиткам – значит вызвать целый ряд недоразумений. Нетерпимостью к религии определить курс партии – это дать возможность прийти к заключению, что курс партии меняется, что начинается период открытого гонения на «религиозные убеждения».^[22]

Компромиссный выход из создавшейся ситуации был найден. В специальном циркуляре для местных партийных органов от 5 июня 1929 г. «О тактичном подходе в деле закрытия церквей», подписанном В.М. Молотовым, предлагалось вести решительную борьбу с извращениями в практике закрытия церквей и других молитвенных домов. Указанный процесс, по мнению составителей циркуляра, должен проходить в цивилизованных и законодательных рамках.

Однако, как показала практика, местные партийные организации в ходе развернувшегося в то время движения воинствующих безбожников мало считались с установкой партии. Нередко к служителям культа применялись такие противозаконные меры, как раскулачивание, выселение, отправка на лесозаготовки, чрезмерное налогообложение и др. В таких условиях Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, возглавляемой П.Г. Смидовичем, приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы процесс закрытия храмов не выходил за рамки закона.

В газете «Известия» от 19 февраля 1930 г. сообщалось, что из существовавших в России в 1918 г. 48 тыс. церковных приходов с более чем 50 тысячами священнослужителей к 1930 году осталось 30 тыс. приходов. Если до революции действовало свыше тысячи женских и мужских монастырей, то к 1940 г. не осталось ни одного из них. В 1917 г. в России насчитывалось более 80 тыс. храмов, а в 1940 г. – лишь 4 225, причем свыше 3 тыс. из них находились в Западных областях, которые вошли в состав СССР в 1939–1940 гг.^[23]

Интересно было бы рассмотреть, а как строилась работа с русской Православной Церковью в 1922–1930 гг. органами ОГПУ – НКВД. Некоторое представление об этом дают

сводки 6-го отдела. Как указывает исследователь О.С. Смыслов в своей монографии «Богоборцы из НКВД» (М., 2014): «целая книга потребовалась бы для описания сводок 6-го отделения..., которые регулярно составлялись по данным осведомителей. В них обобщались все настроения и разговоры. Особенно важное значение отводилось разговорам в Донском монастыре, где периодически находился патриарх Тихон в период между своими арестами».

Как показывает анализ архивных источников органов государственной безопасности того времени, многие документы могли быть фальсифицированы или элементарно подделаны. Поэтому степень доверия к ним, учитывая еще и то, что прошло более 80 лет, может быть неоднозначной. В свое время еще Д.А. Волкогонов высказал свое сомнение к «странному заявлению» от 16 июня 1923 г., которое по стилю было явно продиктовано органами ОГПУ. Покаянное письмо заканчивалось словами: «Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархической белогвардейской контрреволюции», подпись Патриарх Тихон (Василий Белавин). Зная формы и методы работы ОГПУ нет сомнения, как готовились эти «документы».

И тем не менее, «решение» об изменении своего мнения одного человека, ни в коем случае не способствовало изменению симпатий всех верующих вообще.

Под борьбу с Церковью подводилась и научная основа. Достаточно посмотреть периодические научные издания (журналы) того периода времени. Вот что, например, писал известный в тот период времени философ А. Деборин: «Религия обречена на гибель... Защита религиозных предрассудков в какой угодно форме представляет собой реакционное явление, **против которого необходимо всячески бороться**».^[24]

Теперь борьба приняла государственный характер. В начале 1929 г. из ЦК был разослан секретный циркуляр «О мерах по усилению антирелигиозной работы». На Всесоюзном совещании по антирелигиозной пропаганде в ЦК ВКП(б), которое состоялось 8 июня 1929 г. было решено создать массовый Союз воинствующих безбожников для организации «антирелигиозного фронта».^[25]

Ярким примером борьбы с религией может служить в эти годы антирелигиозная кампания на Урале. Так, в Екатеринбургской епархии были закрыты десятки храмов. Уже в целом по Уральской области в 1924–1925 гг. были закрыты 23 церкви.^[26]

Процесс закрытия храмов на Урале продолжался дальше в соответствии с государственной политикой большевиков. Правда необходимо отметить, что деятельность по развалу Церкви именно в Уральском регионе^[27] дала свои результаты. В 1927 г. прежняя Екатеринбургская епархия была окончательно разделена на три разные параллельно существующие епархии возглавляемые своими архиереями, имеющим свои епархиальные управления своих клириков и прихожан.

Чуть позднее в Свердловской тюрьме находился и патриарший местоблюститель митрополит Петр (Полянский) куда он был переведен после многолетней ссылки. Здесь он находился в условиях полной изоляции. Здесь начинал свой путь и уже известный чекист Е.А. Тучков, назначенный заместителем полномочного представителя ОГПУ по Уралу. Как подтверждают архивы УФСБ РФ по Свердловской области именно он руководитель 6-го секретного отдела Секретно-политического Управления ОГПУ, который в 1920 г. сумел развалить Русскую Православную Церковь, способствуя «обновленческому движению» в Москве, теперь ловко плел паутину государственно-церковных отношений на Урале и можно с уверенностью сказать, что в разгроме уральской церкви имеется его немалая заслуга.^[28] Идея разделяй и властвуй здесь проявилась особенно ярко. Поддерживая одни религиозные течения вопреки другим, органы государственной безопасности решали свои задачи по

развалу религии вообще.

Вопрос об агентуре ОГПУ навсегда останется закрытым, ни одна спецслужба мира не выдает своих источников и наверное правильно, поскольку факт «легализации» источника мог бы нарушить гражданский мир в обществе. В процентном отношении в литературе называют цифры от 17 до 25%. Т.е., примерно, каждый четвертый член религиозной организации регулярно докладывал о политической обстановке в данной организации.

Тем не менее, даже обновленческие руководители отмечали всеобщий упадок религиозности, на собраниях констатировали, что очень сильна «тихоновщина», а сектанство слабо и опасности не представляет.

Летом 1927 г. Советская власть, чтобы поддержать обновленцев разрешила проведение крестного хода по епархии с иконой праведного Симеона, хранившейся в Верхотурье. Важно отметить, а именно к этому стремились органы государственной безопасности, в деятельности разных епархиальных управлений не было единства и порой возникали серьезные противоречия. Используя раскол Церкви, большевики теперь вплотную подошли к решению своей главной задачи – закрытию церкви вообще. Началась подготовка к этой акции. В первую очередь обращалось внимание на городские храмы, как на рассадники, по мнению Советской власти, религиозного дурмана. Говоря непосредственно об Екатеринбурге достаточно вспомнить, что накануне I-й мировой войны в городе было около 40 православных храмов. Три собора: Екатерининский, Александро-Невский и Богоявленский; три кладбищенские церкви: на Ивановском, Михайловском, Старообрядческом и Австрийском кладбищах.^[29]

8 апреля 1929 г. Президиум ВЦИК принял постановление «О религиозных объединениях» по которому религиозным общинам дозволялось лишь «отправление культов в стенах молитвенных домов», а просветительская и благотворительная деятельность категорически запрещалась. Духовенство устранялось от участия в хозяйственных и финансовых делах. Частное обучение религии, разрешенное Декретом 1918 г. теперь существовало лишь как право родителей обучать религии своих детей. Естественно, что Церковь уже не являлась и юридическим лицом. С разными дополнениями и изменениями это постановление просуществовало практически до 1990-х гг.

В последнее время в исторической и историко-правовой литературе сложилось мнение, что после этого постановления пик репрессий пошел на некоторый спад. Однако анализ нормативных актов показывает, что это не совсем так, в развитие указанного юридического документа от 8 апреля 1929 г. с последующими инструкциями 11 февраля 1930 г. было издано еще одно Постановление ЦИК и СНК СССР «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений». И фактически, как правильно отмечает исследователь И.А. Курляндский «ни один из перечисленных антицерковных актов «де юре» не был отменен Сталиным даже в период его так называемого «либерального курса 1943–1953 гг.».^[30] Более того, в Инструкции Совета по делам Русской Православной Церкви уполномоченным Совета на местах указывалось о необходимости строго соблюдать «запретительные меры» и следовать тщательному выполнению Постановления от 8 апреля 1929 г.

Поскольку разрушить Русскую Православную Церковь используя административно-полицейские методы окончательно не удалось, от прямого штурма перешли к длительной осаде. И как было отмечено выше, перешли к массовой антирелигиозной пропаганде.

За период с 1922–1925 гг. была создана пропагандистская инфраструктура: сеть организаций и изданий, которые обязаны были вести широкомасштабную антирелигиозную

пропаганду. С этой целью, в частности, в период с 1923 по 1925 гг. по инициативе Е. Ярославского создавался «Союз безбожников».

В ноябре 1924 г. он обратился в ЦК партии со служебной запиской, в которой предлагал проект этой новой общественной организации, так было создано единое всесоюзное антирелигиозное общество – «Союз безбожников». В ЦК этими вопросами как направляющая сила занимался Агитпроп, который составлял отчеты о своей деятельности, а затем они публиковались в центральной печати.^[31]

В декабре 1926-го митрополита Петра этапировали через пересыльные тюрьмы в Тобольск. В феврале 1927 г. доставили в село Абалак, где содержали в контролируемом обновленцами Абалакском монастыре. В начале апреля вновь арестовали и доставили в Тобольскую тюрьму. Как раз был освобожден митрополит Сергей...

По постановлению ВЦИК Петра (Полянского) выслали за Полярный круг, на берег Обской губы в поселок Хэ, где лишили самой элементарной медицинской помощи, а 11 мая 1928 г. постановлением Особого совещания ОГПУ срок его ссылки был продлен на два года.

17 августа 1930 г. – новый арест и содержание в тюрьмах Тобольска и Екатеринбурга.

В очередной раз митрополит Петр отказывается от предложения чекистов снять с себя звание Патриаршего Местоблюстителя. Их угрозы продлить тюремное заключение не пугают его.

Тогда в ноябре 1930 г. против Петра (Полянского) снова возбуждается уголовное дело по обвинению в том, что, находясь в ссылке, он «вел среди окружающего населения пораженческую агитацию, говоря о близкой войне и падении советской власти и необходимости борьбы с последней, а также пытался использовать Церковь для постановки борьбы с советской властью». И снова митрополит Петр вину свою не признал, поэтому до 1931 г. находился в одиночном заключении без права передач и свиданий, а затем категорически отклонил предложение Е.А. Тучкова дать подписку о сотрудничестве с органами в качестве осведомителя.

«Побеседовав» с Тучковым, Петр (Полянский) был частично парализован, а кроме того, болел цингой и астмой. Несмотря на это, 23 июля 1931 г. Особым совещанием ОГПУ его приговорили к 5 годам лишения свободы в концлагере, все же оставив в тюрьме во внутреннем изоляторе.^[32]

Подводя итоги борьбы с Церковью в 1922 – 1930 гг. можно отметить, что гонения на Церковь в это время приобрели черты государственной политики, особенностью которой была задача связать антирелигиозную пропаганду с политикой «коллективизации». Выступая на собрании актива Московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. И.В. Сталин указал на «необходимость связать широкую массовую антирелигиозную кампанию с борьбой за кровные интересы народных масс».^[33] В своем выступлении он подчеркнул, что теперь борьба с религией это борьба за социализм. Таким образом, начался новый этап в борьбе с религией в СССР.

^[1] Приспело время подвига: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на Церковь. М., 2012. С. 53.

^[2]Смыкалин А.С. Каноническое право. Екатеринбург, 2013. С. 108–109.

^[3]Курляндский И.А. Фальсификация документов по истории церковно-государственных отношений в 1930-е годы: сб. конф. «Научный Православный взгляд на ложные исторические учения». М., 2011. С. 424.

^[4]Энциклопедия секретных служб России. М., 2004. С. 337.

^[5]Смыслов О.С. Богоборцы из НКВД. М., 2014. С. 32.

^[6]Скоркин К.В. На страже завоеваний Революции. История НКВД – ВЧК – ГПУ РСФСР (1917–1923 гг.). М., 2011. С. 830.

^[7]Смыслов О.С. Указ. соч. С. 94.

^[8]Филиппов Б.А. Очерки по истории России XX век: учебное пособие. М., 2012. С. 187.

^[9]Там же. С. 190.

^[10]Смыслов О.С. Указ. соч. С. 103.

^[11]Там же. С. 106.

^[12]Там же. С. 106–108.

^[13]Центральный архив ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 40. Л. 264–267.

^[14] Патриарх Тихон (Белавин Василий Иванович) (1865–1925 гг.), иерарх Русской Православной Церкви. В 1905 г. возведен в сан архиепископа. Монархист, возглавлял Ярославское отделение «Союза русского народа». В 1917 г. митрополит. После восстановления в октябре 1917 г. патриаршества в Русской Православной Церкви избран патриархом московским и всея Руси. В 1918–1923 гг. находился в Москве под домашним арестом; освобожден после публичного раскаяния в своей антисоветской деятельности. В 1988 г. канонизирован Русской Православной Церковью.

^[15]Яловенко А.Ф. Тайны Верхнеуральского политизолятора. Челябинск, 2010. Ч. 2. С. 458–462.

^[16]Филлипов Б.А. Указ. соч. С. 191.

^[17]Известия. 1923. 5 января.

^[18]Пушкарев Б.С. Две России XX века. 1917–1993 гг. М., 2008. С. 159.

^[19]Смыкалин А.С. В.И. Ленин – теоретический основоположник терроризма мирового пролетариата / Проблемы истории, общества, государства и права. Екатеринбург, 2014. Вып. 2. С. 253.

[20]Пушкарев Б.С. Указ. соч. С. 159–161.

[21]Евсеев И.В. Златоустовская тюрьма: История пенитенциарного учреждения. Екатеринбург, 2013. С. 116.

[22]Одинцов М.И. Указ. соч. С. 42–43.

[23]Смыкалин А.С. Каноническое право. Екатеринбург, 2013. С. 118.

[24]Деборин А. Последнее слово ревизионизма / Воинствующий материализм. М., 1924. Кн. 1. С. 17–18.

[25] Известия. 1929. 11 июня.

[26] Екатеринбургская епархия (события – люди – храмы). Екатеринбург, 2001. С. 46.

[27]В конце 1923 г. была образована административная Уральская область, объединившая Пермскую, Екатеринбургскую, Челябинскую и Тюменскую губернии. Область делилась на 45 округов примерно соответствующих прежним уездам. На территории Екатеринбургской губернии располагались теперь 4 округа: Свердловский (бывшие Екатеринбургский и Верхотурский уезда), Ирбитско-Туринский, Нижнетагильский и Шадринский.

[28] Екатеринбургская епархия (события – люди – храмы). Екатеринбург, 2001. С. 64.

[29]Храмы Екатеринбурга – Свердловска. Екатеринбург. 1998. С. 2.

[30]Курляндский И.А. Фальсификация документов по истории церковно-государственных отношений в 1930-е гг. / Научный православный взгляд на ложные исторические учения. М., 2011. С. 426.

[31] Известия ЦК РКП(б). М., 1922. № 2.

[32]Цит. по Смыслов О.С. Указ. соч. С. 168–173.

[33]Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. С. 50–51.

Библиография

Приспело время подвига: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви о начале гонений на Церковь. М., 2012. С. 53.

Смыкалин А.С. Каноническое право. М., «Проспект». 2016. С. 108– 109.

Курляндский И.А. Фальсификация документов по истории церковно-государственных отношений в 1930-е гг.: Сборник материалов конференции «Научный Православный взгляд на ложные исторические учения». М., 2011. С. 424.

- Энциклопедия секретных служб России. М., 2004. С. 337.
- Смыслов О.С. Богоборцы из НКВД. М., 2004. С. 32.
- Скоркин К.В. На страже завоеваний Революции. История НКВД – ВЧК – ГПУ РСФСР (1917–1923 гг.). М., 2011. С. 830.
- Филиппов Б.А. Очерки истории России XX век: Учебное пособие. М., 2012. С. 187.
- Центральный архив ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 40. Л. 264–267.
- Яловенко А.Ф. Тайны Верхнеуральского политизолятора. Челябинск, 2010. Ч. 2. С. 458–462.
- Газета «Известия». М., 1923. 5 января.
- Пушкарев Б.С. Две России XX века. 1917–1993 гг. М., 2008. С. 159.
- Смыкалин А.С. В.И. Ленин – теоретический основоположник терроризма мирового пролетариата. Сборник «Проблемы истории, общества и государства». Екатеринбург, 2014. Вып. 2. С. 253.
- Евсеев И.В. Златоустовская тюрьма: История пенитенциарного учреждения. Екатеринбург, 2013. С. 116.
- Деборин А. Последнее слово ревизионизма. Сборник «Воинствующий материализм». М., 1924. Кн. 1. С. 17–18.
- Екатеринбургская епархия (события – люди – храмы). Екатеринбург, 2001. С. 64.
- Храмы Екатеринбурга – Свердловска. Екатеринбург, 1998. С. 2.
- Журнал «Известия ЦК РКП(б)». М., 1922. № 2.
- Сталин И.В. Сочинения. М., 1949. Т. 11. С. 50–51.

*Смыкалин А. С. - Заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор, академик военно-исторических наук

© 2010, IJORS - INTERNATIONAL JOURNAL OF RUSSIAN STUDIES